

Василий Авченко
Алексей Коровашко

ОЛЕГ КУВАЕВ:

ПОВЕСТЬ
О НЕРЕГЛАМЕНТИРОВАННОМ
ЧЕЛОВЕКЕ

Подождите, вернётся и Олег Куваев с «Территорией» –
ТЕМА ЗОЛОТОДОБЫЧИ НЕ УСТАРЕВАЕТ.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Алексей Валерьевич Коровашко
Василий Олегович Авченко
Олег Куваев: повесть о
нерегламентированном
человеке

Серия «Великие шестидесятники»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48860674

*Василий Авченко, Алексей Коровашко Олег Куваев: повесть о
нерегламентированном человеке:*

ISBN 978-5-17-119911-1

Аннотация

Писателя Олега Куваева (1934–1975) называли «советским Джеком Лондоном» и создателем «„Моби Дика“ советского времени». Путешественник, полярник, геолог, автор «Территории» – легендарного романа о поисках золота на северо-востоке СССР. Куваев работал на Чукотке и в Магадане, в одиночку сплавлился по северным рекам, странствовал по Кавказу и Памиру. Беспощадный к себе идеалист, он писал о человеке, его выборе, естественной жизни, месте в ней. Авторы первой полной биографии Куваева, писатель Василий Авченко (Владивосток) и филолог Алексей Коровашко (Нижний

Новгород), убеждены: этот культовый и в то же время почти не изученный персонаж сегодня ещё актуальнее, чем был при жизни. Издание содержит уникальные документы и фотоматериалы, большая часть которых публикуется впервые. **Книга содержит нецензурную брань**

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	13
Детство с нелегальным стволом и Ливингстоном	14
Тянь-Шань и Амур	29
Мнимая случайность: к истории печатного дебюта Олега Куваева	33
Марсианские закаты в коричневом углу карты	50
Глава вторая	61
Посёлок	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

**Василий Авченко,
Алексей Коровашко
Олег Куваев:**
*повесть о
нерегламентированном
человеке*

Серия «Великие шестидесятники»

Художник Андрей Рыбаков

В книге использованы фотографии Василия Авченко, Павла Жданова, Фёдора Редлиха, Анатолия Чайко, фото из личных архивов Дмитрия Куваева, Анатолия Лебедева, Бориса Седова и фондов Центральной городской библиотеки Магадана имени О. М. Куваева и Чаунского горно-геологического предприятия

Авторы и «Редакция Елены Шубиной» благодарят всех перечисленных за предоставленные материалы

© Авченко В. О., Коровашко А. В., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Предисловие

Человек высоких широт

В далёком 1990-м дальневосточный литературный критик Игорь Литвиненко сокрушался: «Пятнадцать лет прошло со дня смерти одного из интереснейших писателей нашего времени, а книги его до сих пор не прочитаны по-настоящему, не поставлены в контекст современной советской прозы...» Речь шла об Олеге Куваеве, с ухода которого теперь минуло уже почти полвека.

Для тех читателей, которые моложе авторов, следует пояснить: наш Олег Куваев – не тот, который «Масяня», а тот, который «Территория». Справедливости ради отметим, что время всё расставляет по своим местам, пусть и без спешки: если ещё несколько лет назад запрос «Олег Куваев» в поисковых системах интернета выдавал первым номером именно создателя «Масяни», то теперь список результатов неизменно возглавляет автор «Территории». И это не единственный факт, подтверждающий пророчество Дмитрия Быкова, заявлявшего в 2007 году со страниц журнала «Огонёк»¹: «Подождите, вернётся и Олег Куваев с „Территорией“ – тема золотодобычи не устаревает».

Писателя, геофизика, полярника, путешественника Олега

¹ Огонёк. 2007. № 2.

Михайловича Куваева (1934–1975) давно пора оценить по настоящему счёту. Не по гамбургскому – что нам Гамбург, когда у нас есть свои порты. Начиная с заполярного Певека на Чукотке, ставшей «вятскому мужичку» Куваеву второй родиной.

Он был сверхтребователен к себе. Не стремился ни в правофланговые, ни на трибуны. Книги его, как сформулировал в громогласные перестроечные времена тот же Литвиненко, – «неназойливы, некрикливы», их влияние на ход «нынешних злободневных дискуссий практически не ощущается». Действительно, «Территория» – не «Дети Арбата» и не «Архипелаг ГУЛАГ». Может быть, по этим причинам Куваев и оказался где-то во втором ряду на воображаемом групповом фото отечественных литераторов 1960–1970-х? Либо причина не в нём, а в нас, поспешивших слишком многое выплеснуть вместе с водой за борт очередного атомохода современности? Решивших, что Куваев – про геологов, Дальний Восток и романтику, а значит, это «чтение для молодёжи» (то есть второй сорт). К тому же для молодёжи вчерашней, советской, уже не существующей...

Или так: раз Куваев писал о людях периферии, не умевших либо не желавших подстраиваться под ритмы «цивилизации» и «прогресса», то и книгам его место на периферии?

После ухода Куваева сменилась историческая эпоха, а сам писатель оказался полузабытым. Важны ли, интересны ли его книги сейчас? Необходимы ли они современному чита-

телю, в том числе выросшему в постсоветское время?

Поставив перед собой этот вопрос, авторы ответили однозначно: важны, интересны, необходимы.

Жизнь и произведения Олега Куваева – пример идеализма самой высокой марки; беспощадности к самому себе, убеждённости в том, что, помимо комфорта индивидуально-го существования, есть ценности более высокие; понимания работы как смысла жизни. Отправляясь куда-нибудь на Омо-лон и засылая туда же своих невыдуманных героев, Куваев сопротивлялся распространявшейся уже в 1960-х и 1970-х эпидемии потребительства, губящей душу. Сегодня его книги стали только актуальнее, поскольку эпидемия эта на наших глазах приобрела поистине апокалиптические масштабы.

Тексты Куваева, убеждены авторы, выдерживают проверку временем, поскольку отличаются не менее высокой про-бой, нежели драгоценный металл, который искали на Чукот-ке герои романа «Территория».

Вопросы, которые ставил Куваев, не решены. Ответы, ко-торые он давал, не утратили значения, хотя общество наше переродилось.

Масштаб писателя по-настоящему виден на расстоянии. Именно сейчас, спустя десятилетия, фигура Олега Кувае-ва, бесспорно, претендует на включение в перечень русских классиков второй половины XX века наряду – при всём рази-тельном несходстве – с Василием Шукшиным, Фазилем Ис-

кандером, Валентином Распутиным, Александром Вампиловым. Приходит осознание, что успех Куваева как писателя определялся не только выбором экзотической тематики или динамикой увлекательного сюжета, но и силой самобытного художественного слова. Например, Игорь Сухих, один из авторитетнейших современных критиков и литературоведов, в статье, приуроченной к сорокалетию смерти Куваева, доказывает, что «блеском стиля автор „Территории“, пожалуй, перещеголял раннюю прозу Аксёнова и К°».

Но успешной конкуренцией с литературными сверстниками достижения Куваева конечно же не исчерпываются. Примечательно, что в столь рано оборвавшемся куваевском творчестве представлены все четыре истории, которые, по мнению Борхеса, лежат в основе мировой художественной литературы.

История об укрепленном городе, который обороняют герои, распознаётся в рассказе «Телесная периферия», действие которого разворачивается на советско-афганской границе. Рассказ «Устремляясь в гибельные выси», посвящённый альпинисту Михаилу Хергиани, может быть истолкован как повествование о человеке, целью которого был штурм горных вершин – тоже своего рода крепостей.

История о возвращении – стержень повести Куваева «Азовский вариант». Задачу возвращения с необитаемого острова должен решить и герой рассказа «С тех пор, как плавал старый Ной».

История о поиске в том или ином виде представлена в большинстве куваевских произведений. Герои повести «Не споткнись о Полярный круг» ищут легендарную Пильхуэрти Нейка – гору из самородного серебра. Герой повести «Тройной полярный сюжет» целью своей жизни делает поиск розовой чайки, заставляющей вспомнить и Синюю птицу Метерлинка, и упомянутого Борхесом Симурга – царя всех крылатых существ. Персонажи «Территории» ищут золото, которое становится для них не просто ценным металлом, нужным строящей социализм стране, а символом подлинного бытия, равнозначным Святому Граалю или философскому камню. Герой «Печальных странствий Льва Бебенина», в отличие от рыцарей и подвижников «Территории», видит в жёлтом металле лишь средство для достижения личного благополучия и превращается в ожесточённого и озлобленного раба найденного им самородка.

Последняя история, описанная в сюжетной классификации Борхеса, – это история о самоубийстве бога. Несмотря на то что в текстах Куваева воссоздан не сакральный космос глубокой древности, а профанный мир не очень давней эпохи, мотив священного самопожертвования в них, безусловно, присутствует. Добровольно обрекает себя на смерть герой «Телесной периферии». Персонаж «Тройного полярного сюжета» священник Шаваносов принимает мученическую кончину.

Художественное наследие Куваева – магический кри-

сталл, дающий возможность увидеть за реалиями советского времени свободную даль универсального романа мировой литературы.

...В 1971 году он с обычным своим юмором писал другу, прозаику Юрию Васильеву: «Я для Нобелевской премии архив храню. В ЖЗЛ-то кто про меня писать будет? Я, что ли? Для тебя и храню».

Все умерли. Никто не написал.

Глава первая

Бухта Провидения

Когда герой романа Олега Куваева «Территория» геолог Сергей Баклаков шёл в рискованный одиночный маршрут по чукотской тундре, «болотный бог» малой родины нашёптывал ему: вятская фамилия ещё появится на карте Союза!

Главным прототипом Баклакова был другой человек, но вятские корни достались ему от самого Куваева.

Детство с нелегальным стволом и Ливингстоном

Герой нашего повествования родился 12 августа 1934 года на станции Поназырево Костромской (тогда – Ивановской Промышленной) области.

Только недавно выяснилось, что в этот мир Олег Куваев пришёл не один, а вместе с братом-близнецом Павликом, который, прожив меньше года, умер от скарлатины. Смерть едва не забрала и маленького Олега. В пять лет он заболел дифтеритом и был спасён исключительно стараниями отца, отважившегося из-за отсутствия в деревне какой-либо врачебной помощи высасывать гной из горловых нарывов сына с помощью самодельной металлической трубки. Этот экстремальный опыт и стал, если вдуматься, первым соприкосновением будущего писателя с миром большой литературы, поскольку использованный отцом Куваева метод лечения, требующий, безусловно, немало мужества и самоотверженности, не единожды находил отражение в произведениях русской классики. Достаточно вспомнить «Попрыгунью» Чехова, где доктор Дымов, не думая о сохранении собственной жизни, также через трубочку высасывает дифтеритные плёнки у больного мальчика, или «Открытую книгу» Вениамина Каверина, в которой Андрей Львов, многократно повторявший подвиг Дымова при ликвидации эпидемии дифтерии в

Анзерском посаде, в шутку называет свои действия «наглядным экскурсом в историю медицины» XIX века. Но не только металлические трубки выполняли функцию «тоннеля», соединявшего маленького Куваева с царством художественной словесности. Уже выздоровев, Олег долгое время не мог говорить, напоминая тем самым ещё одного героя Каверина – Саню Григорьева из «Двух капитанов».

В предисловии к сборнику 1968 года «Весенняя охота на гусей», названном «О себе», Куваев писал: «Я родился в Костромской области... но считаю себя вятичем, ибо всё время, вплоть до института, жил в Кировской области». Стоит, пожалуй, отметить, что постоянство, с которым Куваев держался за этноним «вятич», обусловлено не субъективными пристрастиями геолога и прозаика, а вполне осязаемыми качествами вятского «территориального» характера, нашедшего отражение во множестве пословиц и поговорок («Вятский – мужик хватский: за что ухватится – не отпустит» и т. п.). Не все из этих обобщённых изречений народной мудрости, надо признать, рисуют облик вятича в выгодном свете, но Куваев-писатель, похоже, всегда сознательно выбирал те, что складываются в привлекательное «портфолио» персонажей. Именно его наличие позволяло Баклакову гордиться «потомственной хитростью вятских плотников» и утверждать: «Моё время впереди, товарищ Чинков... Ты нас, вятских, не знаешь. Где надо, мы буравом ввинтимся, где плечом шибанём, где на цыпочках прокрадёмся, где дураками

прикинемся. Мы, вятские, все такие». Баклакову вторит его земляк, стрелочник Алексей Гаврилович: «Ты думаешь, мы, вятские, што? Из лыка выплетены, как лапти? Не-ет! Из вятских сколько известных людей вышло? Сергей Миронович Киров, то будет раз... Счас насчитаю, погоду. Ты там в своих северных стратосферах гордо себя веди». Но и без этих наставлений Баклаков знал, что «где бы он ни был, чем бы ни занимался в жизни, за спиной его всегда есть вятская земля и могилы предков на ней». Знал это, тут двух мнений быть не может, и сам Куваев. Его привязанность к «отеческим гробам» не исчезала даже тогда, когда «любви к родному пепелищу», казалось, уже нечем было подпитываться.

Осень 1973-го, Игорю Шабарину

Вчера вернулся с Вятки. Ездили мы с Альбертом Калининым. Ну и не жалею, что не был. В те края, где мы были, ездить не стоит, а те, куда стоит (верховья Ветлуги, верховья Камы), сейчас в них и не попасть. Трактора застревают и не проходят. Из-за дождей. Вообще впечатление чрезвычайно грустное. Оббежал я родные места, сижу и изумляюсь: какая же сила меня оттуда выволокла, какая звезда светила. Трущоба, нищета, загнивание, тихий сумасшедший дом – вот что такое моя родина, родные места. И беда в том, что помочь невозможно. Народ настолько заостенел в доморощенной хитрости, национальной вятской недоверчивости, что любой твой шаг воспримут как

подвох, выгоду и т. д. И за всем этим ещё запечная уверенность: «мы вятские всё равно всех умнее и всё сами знаем». Ну ладно. Шибко я расстроился, даже заболел. Колхозники бедны, начальство пьёт и ворует на глазах. Всем на всё наплевать.

Почти одновременно, но, видимо, чуть позже, поскольку градус эмоций ощутимо снизился, Куваев отчитывается об этой же поездке другому другу, Борису Ильинскому: «Я только что вернулся с Вятки. Был в Пенатах. Ездили с Альбертом Калининым. Впечатление самое тяжкое – до болезни. Не был я там двадцать лет. Народ выродился, точно над ним пронеслось облако с радиацией. Сижу и удивляюсь: как же это, какой силой мне удалось вылететь из того вятского круга, как я в нём не застрял».

Письмо Ильинскому можно было бы и не цитировать, поскольку оно мало что добавляет к информации, содержащейся в послании к Шабарину, но в нём есть весьма существенное утверждение, подчёркивающее важность и ценность предпринятого Куваевым возвращения к истокам: «Чтобы понять самого себя, понять многие поступки и мотивы – надо побывать на родине через двадцать лет. Вятский, всё-таки я именно вятский».

Одной из причин столь пагубной для ностальгических чувств поездки на родину было желание Куваева поставить приличный памятник на могиле матери.

Мать героя нашего повествования, Павла Васильевна

Ивакина, появилась на свет в 1898 году в исчезнувшей позже деревне Ивакино Свечинского района Вятской губернии (фамилией Ивакин, кстати говоря, впоследствии будет наделён главный герой повести Куваева «Тройной полярный сюжет»).

Отец, Михаил Николаевич Куваев, родился в 1891 году в деревне Медведица Одоевско-Спиринской волости Ветлужского уезда Костромской губернии в крестьянской семье. Подростком ушёл на заработки, служил «мальчиком» в булочной на станции Шарья. Стал телеграфистом, попал на Первую мировую, где воевал в Мазурских болотах, участвовал в Брусиловском прорыве. Первым в своей армии принял телеграммы об отречении царя и свержении Временного правительства (которые маленький Олег потом куда-то «заиграл»), стал членом солдатского комитета.

С 1926 года Куваев-старший служил начальником (по другим данным – экономистом службы движения) той самой станции Поназырево. Одноимённое село в начале XX века заметно развилось благодаря железной дороге; сегодня это райцентр, в котором живёт чуть более 4000 человек. Леспромхоз и маслосырзавод давно развалились, «градообразующее» предприятие – колония общего режима. Дом, где Куваев появился на свет, сохранился. Он стоит рядом с железнодорожным вокзалом, в 2004 году на нём появилась мемориальная доска.

В Поназыреве Олег провёл первые годы жизни, после че-

го семья переехала в соседнюю Кировскую область (не буквальную, но наследницу Вятской губернии), в посёлок с поэтическим названием Свеча, где отец служил начальником одноимённой крупной станции Северной железной дороги.

В апреле 1938 года отца арестовали по «политической» статье – вероятно, по чьему-то доносу. Под стражей Михаил Куваев пробыл сравнительно недолго – его дело прекратили в январе 1939 года. Однако вместе с прекращением дела прекратилась и карьера: ни одного шага вверх по служебной лестнице Куваев-старший уже никогда не сделает (хотя власть, сменившая кратковременный гнев на длительную милость, не забывала оказывать ему весьма почётные знаки внимания: в ноябре 1946 года отец будущего писателя получит медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а 28 июля 1951 года – высшую советскую награду, орден Ленина за «безупречную работу на железной дороге»).

Сестра Галина Куваева (р. 1931) вспоминает: «По характеру Олег был похож на отца. Отец очень много читал. Тоже был молчаливым». В семье, как можно судить, бытовало мнение, что отец не реализовал себя. Так, в одном из писем, отправленных Галине с острова Врангеля весной 1963 года, Куваев, поделившись сомнениями, связанными с грядущим выбором между геологией и литературой, даёт понять, что, несмотря на возможные неудачи, готов всё поставить на карту: «В крайнем случае, сделаю папкин дубль: жизнь талант-

ливого неудачника. Хе-хе!»

Осенью 1939 года семья перебралась в деревню Ивакино между Свечой и Юмой, в 1941-м – в Кузьмёнки Юмского сельсовета (этой деревни ныне тоже не существует). Здесь в 1942 году Олег пошёл в первый класс, причём первой учительницей стала его мама.

Законы биографического жанра требуют развернуть в этом месте красочную и подробную картину счастливого детства, прошедшего едва ли не на лоне природы, под благодетельным покровом патриархального сельского быта, но материалов, позволивших бы сделать подобный композиционный ход, явно недостаточно. И виной тому не какие-то козни и неурядицы, подстроенные судьбой (утрата писем, потеря дневников, отсутствие заинтересованных собеседников), а индивидуальные особенности куваевской памяти.

В 1964 году Куваев заносит в рабочую записную книжку ряд мыслей, которые возникли у него в ходе изучения «Творческой эволюции» Анри Бергсона: «Мы живём в непрерывном потоке психики. Ничто не повторяется. Память – хранитель отдельных фрагментов. Принцип подбора „хранить“ или „не хранить“ сложен, случаен, капризен, субъективен. Чересчур значительно субъективен. Я могу помнить случайно подобранный камень где-нибудь на речной косе в один из сотен обычных дней и могу начисто забыть, как звали женщины<ну>, с которой прожили чуть не месяц, или через пару месяцев забыть имя-отчество своего начальства и т. д. Пом-

нится ничем внешне не примечательное лицо в электричке и не помнятся фильмы, книги, люди, с которы<ми> был долго связан. Всё дело в потоке психики».

Спустя три года, уже в другой записной книжке, также выполнявшей функцию карманной литературной лаборатории, Куваев возвращается к раздумьям о причудливых механизмах собственной памяти и соотносит их именно с детскими воспоминаниями: «У меня плохая память. Память эмоций. Почти ни черта не помню из вятского деревенского детства. Это в тридцать-то лет! Думая о том, что собираюсь стать писателем, я не могу не думать и об этом свойстве своей памяти, так как необходимые для писательского ремесла залежи эмоций у меня просто не копятяся. Но иногда бывает странное: в самый неподходящий момент (авторучку заправляешь чернилами, кофейную мельницу крутишь, читаешь что-то) по неведомым законам ассоциаций вдруг чётко всплывает объёмная, с цветом, запахом и эмоциональным состоянием того времени картина чего-то со мной бывшего. Сенокос около деревни Кашино. Чёрная лесная речка с почти стоячей торфяной водой. Там, где из лесу выходит дорога на Кашино, поляна, мост, большая берёза. Под берёзой – самое сухое место. Там наш „лагерь“. Рогульки, костёр около того места. Солодовые коржики. Сладковатые. Очень вкусны с молоком. Грибовница, которая всегда варится из грибов, набранных по дороге из Кузьмёнок (кажется, около 7 км). Грибы вдоль той дороги росли всегда громадных размеров

и червивые. Отец их варил, несмотря на червей, „с мясом“. С берёзы падали клещи, почему-то только на меня. Клещ в волосах, тугой, как резина. Плохо помню мать. Эмоционально плохо помню. Её лицо. Очень часто почему-то вспоминаю реку Паляваам. Мы с Серёгой курим на высоком берегу в ольховнике. Вечер. Комары. Тихо и прохладно. По реке сверху неторопливо плывёт громадный гусь. Он как-то нерешительно плывёт и целиком погружён в свои мысли. Потом гусь как-то решил, принял решение, махнул лапой и быстро поплыл обратно. Не стой!»

Пока Олег учился в начальных классах, отец работал на одной из станций Котельничского района, но в 1944-м его перевели ближе к семье – дежурным на разъезд Юма Свечинского района Кировской области. Название этого разъезда не может не вызвать восторженных эмоций у современного синефила, привыкшего заученно восхищаться классическим вестерном Делмера Дэйвса «В 3:10 на Юму» (тот, кто не видел исходный вариант этой ленты 1957 года, наверняка имеет представление о её ремейке «Поезд на Юму», снятом полвека спустя и украшенном присутствием Кристиана Бейла и Рассела Кроу).

Покинув Кузьмёнки, Павла Васильевна с детьми перебралась к мужу, поэтому в 1944–1949 годах Олег жил на разъезде Юма, а учился в семилетней школе одноимённого села, находящегося в четырёх километрах от дома.

Мать продолжала работать учительницей: «На примере

матери я вещественно, если так можно сказать, усвоил понятия „сельская учительница“ и „ликбез“ ... „Ликбез“ – это когда мать поздно вечером шла за десять километров в глухую лесную деревню. В качестве оружия, скорее морального, она брала „вилыцы“ – так в Кировской области называются маленькие двузубые вилы, которые применяются при вывозке навоза на поля. В наших лесах в те годы была пропасть волков. Зимой волчьи стаи зверели. А „сельская учительница“ – это школа в селе, которое также называлось Юма и куда мать ежедневно ходила за четыре километра. Это ещё корова, огород, сенокос и прочее. Мы жили в деревне, и кормиться было надо. Летом мать ничем не отличалась от колхозных женщин».

Десятилетку – школу-интернат для детей железнодорожников – Олег окончил в Котельниче той же Кировской области в 1952 году. «Котельнич – старинный город, но он много раз выгорал, из старины там разве что остались купеческие лабазы на Советской и сам дух старого уездного города, – вспоминал он. – На правом берегу Вятки, на огромных глинистых обрывах, можно было гонять на лыжах вплоть до полной возможности сломить себе шею; на левом берегу был затон для речных судов, где зимой шёл ремонт колёсных пароходов. Школа была хорошая, с традициями, выход же агрессивным ученическим настроениям мы находили в извечной войне интерната с окраиной Котельнича, отделявшей от интерната оврагом».

Галина Куваева писала: «В детстве Алик (так близкие звали Олега. – *Примеч. авт.*) был слабенький, тщедушный, к тому же военные годы». Но уже подростком он пристрастился к лыжам, рыбалке, охоте, заметно окреп. «Интересы мои рано замкнулись на двух вещах: книгах и ружье. Ружьё я начал выпрашивать лет с семи, но получил его только когда учился в 8-м классе. До этого я держал нелегально добытую шомполку („пистонное“ ружьё XIX века, заряжавшееся с дула. – *Примеч. авт.*), к которой капсюль надо было привязывать тряпочкой, порох я добывал из железнодорожных петард», – так описывает Куваев свои школьные увлечения.

Пристрастие к ружьям во всех их видах и формах сказало-сь впоследствии даже на стиле Куваева-писателя. Подыскивая нужные сравнения и метафоры, он охотно брал их из оружейной терминологии. Один из лучших рассказов Куваева «Устремляясь в гибельные выси» начинается таким вступлением: «Среди коловращения имён, лиц и событий, в каком мы все так или иначе живём, встречается вдруг человек и входит в твою память с осязаемой точностью досланного затвором патрона». Схожее сопоставление реализовано и в рассказе «Здорово, толстые!», герою которого, таёжнику Витьке, костюм – «пиджак, рубашка и брюки» – подходил, «как хорошо прокалиброванная гильза к патроннику». Наконец, давая характеристику Илье Николаевичу Чинкову, главному герою своего главного романа, Куваев говорит, что к «инопланетной» колымской жизни золотодобытчиков тот

«пришёлся с точностью патрона, досланного в патронник».

Первой потрясшей Куваева книгой, как пишет он «О себе», стала «северная робинзонада» о поморах, застрявших на острове Малый Берун архипелага Шпицберген. Книга была без переплёта, поэтому название и автор оставались Куваеву неизвестными вплоть до публикации упомянутого предисловия. Вскоре читатели прислали ему ту книгу – «Беруны» Зиновия Давыдова 1933 года издания (позже выходила под названием «Русские робинзоны»). Фамилия читателей была Баклаковы – видимо, у них Куваев её и одолжил для героя «Территории». Что касается самих «Берунов», то воспоминания о них оказались настолько прочными, что следы их без труда различимы в куваевской прозе. Так, пародийной «северной робинзонадой» является ранний рассказ «С тех пор, как плавал старый Ной», с первых же строчек обозначающий свою принадлежность к литературному жанру, которым Куваева-школьника заразил когда-то Зиновий Давыдов («Я читаю эти стихи... своей собаке. Уже пятый день мы с ней находимся на положении робинзонов. История мореплавания повторилась в миллион сто первый раз. Мы торчим на необитаемом острове. И нам не на чем уплыть отсюда»). «Робинзонада» в куваевском творчестве может присутствовать и в более размытых, но оттого не менее узнаваемых формах. Своеобразной добровольной «робинзонадой» можно считать одиночный маршрут «к реке Ватап, через неё и далее в Кетунгское нагорье», общей протяженностью в 600

километров, пройденный в «Территории» Баклаковым, который вынужден под конец пути питаться «тёплыми кусочками» сырого заячьего мяса, что делает его похожим на реальных прототипов «Берунов», поддерживавших силы горячей кровью добытых ими зверей. Апофеозом хвалы здоровому «робинзонадному» питанию становится эпизод из «Правил бегства», в котором выпестованный в недрах НКВД зоотехник Саяпин подкрепляется буквально на ходу, точнее, во время езды в незнаемое: «Саяпин вытащил из лямок прикреплённую к двери [вездехода] рулёвскую тозовку и с одной руки, прямо из двери выстрелил. Куропач забил крыльями, встал, пробежал метров пять и перевернулся вверх лапами. – Готов. Гы! – сказал Лошак. – Зачем? – спросил Рулёв. Саяпин вылез, протопал своими валенками к куропачу, взял его за лапки и дёрнул в разные стороны. Я видел ещё вздрагивающее сердце куропача, красную печень и внутренности. Саяпин поднял горсть снега, сунул её внутрь и всосал этот набухший кровью снег. Затем аккуратно выкусил сердце, печеньку и отшвырнул остатки птицы. Лицо у него было в крови. Он вытер его снегом и оглянулся кругом. Лошак сплюнул в сторону. – Лихо! – сказал Рулёв. Саяпин повернулся к нам. На залитом солнцем снегу в расстёгнутом полушубке он казался молодым, почти юношей. – Во! – Он постучал себя по зубам (вместо „родных“ зубов у Саяпина – вставная пластмассовая челюсть. – *Примеч. авт.*). – Из-за этой брезгливости я в сорок девятом зубу оставил. На этой самой реке.

Цинга. С тех пор и привык мясо сырое, тёплое, свежее есть. Кровь пить. Рыбу с хребтины живую грызть. И – здоров».

«Путешествия по Южной Африке» Давида Ливингстона стали первой самостоятельно купленной книгой. Её пятиклассник Куваев приобрёл в магазине на станции Свеча и берёг всю жизнь. «Любимыми книгами были и остаются книги о путешествиях, – писал он. – Первым юношеским героем был, разумеется, Николай Михайлович Пржевальский. Я чертовски жалел тогда, что не родился в его время. Красные пустыни Тибета, подошвы верблюдов, стёртые на чёрной гобийской щёбёнке...»

Не приходится удивляться, что заветный «сундучок» с этой библиотечкой юного путешественника также перекопал на страницы произведений самого Куваева, повторив судьбу «Берунов». И если в «Тройном полярном сюжете» маленький Саша Ивакин получает его в малобюджетном варианте, довольствуясь одними только «Путешествиями по Южной Африке» с «буйволом, обнажённым негром и крокодиллом» на обложке, то в рассказе «Анютка, Хыщ, свирепый Макавеев» он достаётся чукотской девочке Анютке почти полностью укомплектованным, лишь слегка изменившим своё содержимое («„Робинзон Крузо“, „Путешествия по Южной Африке“ Ливингстона, „Мойдодыр“ и книжка академика Тарле о Наполеоне»).

Начитавшись путешественников – Пржевальского, Петра Козлова, Всеволода Роборовского, – Куваев думал стать гео-

графом. Ему объяснили: современный географ – не отважный путешественник, а кабинетный учёный. Тогда подросток решает пойти в геологи, полагая, что последние белые пятна планеты достанутся представителям именно этой профессии.

Отец высказывался в пользу физтеха, представляя жизнь геолога бесприютной и безалаберной («отчасти справедливо», – писал позже Куваев). К тому же у Олега обнаружились явные математические способности. Он даже подал было документы в физико-технический... но в итоге поступил в 1952 году в Московский геологоразведочный институт имени Серго Орджоникидзе (ныне РГГРУ – Российский государственный геологоразведочный университет) на геофизический факультет.

Радость от поступления в престижный столичный вуз была омрачена случившейся в том же году смертью матери (похоронена в Юме). В 1958 году, в начале геофизической карьеры Олега, умрёт и отец. Кем станет их сын, родителям узнать, увы, не пришлось.

Тянь-Шань и Амур

Приходящей в себя после великой войны стране были нужны поисковики, горные инженеры, геофизики... Геологи создавали новые индустриальные районы, города, дороги. Позже Куваев сформулирует устами своего героя Жоры Апрятина: «Там, где купец останавливался на ночлег, выросли торговые города древности. По нашим следам также растут города... Наше золото будет загружать пароходы. Из этих стен, из этой тундры мы будем гнать корабли, железнодорожные составы через страну».

Геология считалась профессией почётной и даже модной, конкурс был высоким. Но вятский паренёк (вспоминается известный сюжет о поступлении Шукшина во ВГИК) умудрился сдать на пятёрки все шесть вступительных экзаменов. Потом говорил другу: «Знал бы ты, Вовка, как мне достался первый год! Вятский валенок, а кругом почти все лощёные столичные ферты...»

Скоро «карикатурный Ломоносов в пиджачке х/б и кирзовых сапогах» с глухого лесного разъезда стал в вузе одним из лучших студентов и спортсменов (впоследствии горнолыжный клуб МГРИ-РГГРУ назовут именем Куваева). К геологии он готовил себя не только за учебниками: фанатично занимался спортом, прежде всего лыжным, и экстремальным закаливанием, заключавшимся, например, в регу-

лярном «тренировочном» вкушении мороженой рыбы и мяса (вновь привет поморским робинзонам!), а также в ночёвках в спальном мешке, расстеленном прямо на полу комнаты студенческого общежития (сестра даже прозвала его «Рахметовым»). Куваев потом вспоминал: «Ни о какой литературной деятельности я в ту пору не думал. Готовился стать правоверным геологоразведчиком и, кроме спорта и учёбы, ничего не хотел признавать. Правда, „книжные интересы“ несколько расширились, я стал собирать книги по Северу, и появился новый кумир – Нансен». Ходил в студенческом «горном» мундире с бронзовыми погончиками и молоточками в петлицах.

После третьего курса, летом 1955 года, Куваев попал на производственную практику на Тянь-Шань – коллектором (то есть выколачивателем *образцов*, а не долгов, как может решить современный читатель) в геологическую партию, работавшую на Таласском хребте, в самых «пржевальских» местах. Начальник партии нашёл Олегу подходящее амплуа: снабжать партию дичью, разыскивать пропавших лошадей, водить вьючные караваны при перебазировке. «По несколько суток пропадал с киргизами на горных охотах, а однажды вдвоём с проводником мы три недели искали пропавших лошадей, объездили всю Киргизию и нашли лошадей в десяти километрах от базы», – вспоминал Куваев. Тянь-Шань его очаровал: «Жёлтые холмы предгорий, равнинная степь, тишина высокогорных ледников. Кроме того, я прямо сжился с

лошадьми и, ей-богу, ощутил в себе кровинку монгольского происхождения. Поклялся, что после института вернусь сюда» (про «татаро-монгольские» корни Куваев в шутку упоминал и позже, хотя в анкетных данных значился русским; писатель Альберт Мифтахутдинов, однако, утверждал: Олег, покопавшись в своей родословной, выяснил, что в нём действительно есть и татарская кровь).

Летом 1956 года – снова практика, на этот раз в Амурской области: «Это был старый золотоносный район, с почти выработанными рудниками, освоенный и заселённый...» (район Большого Невера, Соловьёвска, Сквородино). Интересно, что в 1928 году в этих самых местах, на прииске Майском, работал старателем поэт Павел Васильев, вскоре выпустивший сборники очерков «В золотой разведке» и «Люди в тайге»; в них можно услышать интонационные параллели с куваевской «Территорией». Вот что говорит один из васильевских старателей: «Добыть презренный металл для Республики – это дело может вдохновить. Вы думаете, у меня „золотая лихорадка“, тяга к экзотике, что ли? Нет, батенька мой, отмороженные уши – плохая экзотика. Мне сказали: „найди золото!“ – и я его найду во что бы то ни стало, хотя бы пришлось сдохнуть». В 1930-х о золотодобыче в этих местах также писал Сергей Диковский, в 1980-х – Владислав Лецик.

Если Киргизия, как в скором будущем Чукотка, сразу влюбила в себя Куваева, то про Амур он вспоминал редко, хотя отмечал «суровую приподнятую романтику амурских

сопок». Может, как раз потому, что эти места были недостаточно глухими? Правда, Амур появится, хоть и периферийно, в повести «Азовский вариант» 1966 года, да и действие «Печальных странствий Льва Бебенина» (повесть 1969 года, в первой публикации – «Реквием по утрам») начинается, по ряду признаков, где-то в Приамурье. Однажды Куваев упомянул: «из-за своей дурацкой застенчивости» упустил в Большом Невере такую тему, что «сам Паустовский взвыл бы от зависти».

Именно на Амуре Куваев впервые столкнулся с золотом – основным элементом «периодической таблицы» всей будущей жизни. Однако самое главное заключается в том, что Амур стал своеобразным «истокom» куваевской прозы, местом, где герой нашего повествования приступил к прохождению не только геологической, но и писательской практики. Об этой полноценной литературной «инициации» стоит рассказать более подробно.

Мнимая случайность: к истории печатного дебюта Олега Куваева

Любой писатель, отмеряя порцию автобиографических сведений, заботится не столько об анкетной правде, сколько о соответствии написанного и сказанного критериям иного рода. Сформулировать их чётко и однозначно нельзя (каждый раз художник слова приноравливается к новым обстоятельствам), но в качестве обобщённого ориентира, регулирующего направленность подачи информации, можно назвать соразмерность произносимого, неважно, в устной или письменной форме, сюжетному каркасу индивидуального авторского мифа. Не нужно истолковывать предлагаемый тезис как попытку снизить писательский облик, будто бы сводящийся к сознательно выбранной маске, в которой удобно и комфортно дефилировать перед читателем. Индивидуальный авторский миф – это не сумма ложных деклараций, осуществляющих подмену автора подлинного автором мнимым, вымышленным. Это, скорее, мечтания о самом себе, возведённые в ранг непосредственно переживаемой реальности.

О том, что реальность эта рано или поздно превращается из призрачно кажущегося в полноценно произошедшее, красноречиво свидетельствует авторизованная версия куваевского литературного дебюта. В упомянутом выше очер-

ке «О себе» Куваев не отступает от внешней канвы собственной биографии, но, во-первых, проговаривает далеко не всё, а во-вторых, стремится подчеркнуть случайность своего попадания в литературу. Если первая стратегия не требует каких-либо разъяснений, являясь единственно возможным способом построения любого жизнеописания, то вторая, наоборот, вызывает ряд вопросов, связанных с её мотивацией.

Читая очерк, неизбежно приходишь к выводу, что решение стать писателем появилось у Куваева неожиданно, реализовав не логику тех задатков, которыми наделила его природа, а суммарный эффект от жизненных событий, произвольно наложившихся друг на друга. Своим самовозникновением его первая проба пера чем-то напоминает «автоматическое письмо» сюрреалистов, лишённое контроля со стороны бодрствующего сознания. Спонтанному творческому акту литературной «инициации» предшествовала поездка на Тянь-Шань. Зачарованность местами, по которым почти столетие назад путешествовал Пржевальский, подспудно бродила и настаивалась в Куваеве всю осень ровно до того момента, когда «зимой случилось „событие“»: Куваев, по его словам, «как-то незаметно написал рассказ „За козерогами“». Оценивая рассказ в автобиографическом очерке, Куваев не ищет снисходительных формулировок, оправдывающих молодость и неопытность. Вердикт его суров и, надо признать, точен: «За козерогами» – это «типичный охотничий и очень

слабый рассказ». Тому факту, что он был опубликован, Куваев якобы «не придал... никакого значения».

Если бы очерк «О себе» был единственным источником, проливающим свет на первые шаги Куваева по территории литературы, всем этим суждениям и характеристикам вполне можно было бы верить. Однако, к счастью для тех, кто интересуется биографией писателя, сохранилась его записная книжка, относящаяся к периоду создания «За козерогами». Книжка эта представляет собой изготовленный на ленинградской фабрике «Светоч» блокнот чёрного цвета объёмом 96 листов в клетку (в дальнейшем и для удобства, и для указания на то, что среди своих многочисленных «собратьев» в куваевском архиве она является самой первой, будем называть её ЧЗК-1). На форзаце рукой Куваева сделано хронологическое указание: «Начато летом 1956 г. Р<удни>-к им. Кирова Амурской обл.» Первые двенадцать листов ЧЗК-1 занимает черновик того самого рассказа «За козерогами» (впрочем, непосредственно тексту отданы не все страницы рукописной «площади»: некоторые из них оставлены пустыми). Таким образом, рассказ этот, судя по всему, писался не в декабре 1955-го и не в январе-феврале 1956-го, а в летние каникулы, наступившие после завершения обучения на четвёртом курсе. Правда, нельзя исключать, что текст из ЧЗК-1 отражает один из этапов работы над рассказом. Тогда его «заимствование» в очерке «О себе» будет не ошибкой памяти, а отражением таких реалий, как возникновение общего за-

мысла, появление на свет отдельных набросков и т. д. Не подлежит, однако, сомнению, что в более или менее полном виде «Козероги» были «рождены» именно летом 1956-го, причём изучение варианта в ЧЗК-1 опровергает слова Куваева о «незаметном», спонтанном написании рассказа, который в действительности прошёл через массу правок и изменений.

Подробный текстологический анализ рассказа «За козерогами» был бы уместен в составе «академического» собрания сочинений Куваева (хотя писатели последнего полувека чести быть научно изданными удостоиваются крайне редко), поэтому ограничимся лишь некоторыми замечаниями и наблюдениями.

Начнём с того, что в ЧЗК-1 текст носит название не «За козерогами», а «За теками». Сделанная Куваевым позднейшая надпись, диагонально пересекающая первую заполненную страницу ЧЗК-1, сообщает, что рассказ напечатан в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (1957, № 3), но никаких уточнений, касающихся смены названия, не содержит. Любопытно, что Куваев колеблется между различными вариантами написания слова «тек». В черновике рассказа встречаем и форму «тэк», соответствующую принятой литературной норме, и несклоняемую «тэке», приближенную к особенностям произношения в киргизском языке. Вариант, вынесенный в заглавие, как бы отменяет обе эти версии, но лишь затем, чтобы потом самому благополучно «умереть» в журнальной публикации. Вместе с тем безымянный

охотничье-хозяйственный редактор, «причёсывавший» рассказ Куваева перед отправкой в печать, не слишком усердствовал в деле приведения различных названий козерогов к общему знаменателю. Им оставлен и вариант «тэк», фигурирующий во всём блеске своих падежных окончаний, и киргизское слово «тэке», решительно сопротивляющееся любому склонению.

Прежде чем продолжить наблюдения над спецификой редакторской правки первого литературного опыта Куваева, проясним ещё один достаточно важный момент. Наличие чернового варианта «За козерогами» в ЧЗК-1 не означает, что Куваев просто перепечатал его на пишущей машинке и отправил получившийся беловик в редакцию «Охоты и охотничьего хозяйства». Походу на почту с вложенными в конверт страницами «незаметно написанного» рассказа могла предшествовать доработка исходного текста. Допускать такую возможность позволяют несовпадения, обнаруживающиеся при сопоставлении варианта в ЧЗК-1 и журнальной публикации. И всё же, с нашей точки зрения, текст записной книжки был перенесён Куваевым на страницы беловика без каких-либо существенных изменений, не считая, разумеется, более тщательного отношения к орфографии и пунктуации, которые в ЧЗК-1 изрядно хромают. А все отклонения, вероятно, следует приписать рвению редактора, руководствовавшегося собственными соображениями о природе художественно-документального повествования. К тако-

му выводу подталкивает принципиальное расхождение между концовкой текста в ЧЗК-1 и тем «эндшпилем», который рассказ «За козерогами» имеет в журнальной публикации. Говоря конкретнее, сюжетная развязка в ЧЗК-1 описывает разочарование в результатах вроде бы удачной охоты, обусловленное сентиментальным «вчувствованием» в воображаемое психологическое состояние только что подстреленного зверя. «Я не спешил подбегать к добыче, – пишет Куваев. – Почему-то мне вспомнились большие и полные внимания и недоумения глаза вожака. И потому впервые в своей охотничьей практике я без радости подумал об удачном выстреле».

В журнальном варианте последний абзац выглядит совсем иначе. Складывается впечатление, что редактор «Охоты и охотничьего хозяйства» посчитал недопустимыми гуманистические эмоции начинающего автора и, пользуясь своими полномочиями, заменил неуместное полураскаяние мягкосердечного добытчика тэков сухим и деловитым объяснением его редкостного везения. Вот как выглядит этот чисто технический постскриптум: «Многим, наверное, будет непонятно, как мог человек вплотную подобраться к стаду таких зверей, как козероги, известных своей осторожностью и превосходно развитыми органами чувств. Причиной этому, вероятно, послужило то, что тэке в этом районе Киргизского хребта сравнительно мало преследуются человеком, а главный же враг их – барс – охотится преимущественно в скалах,

где подстерегает свою добычу. Не ожидая нападения с этой стороны долины, сторожевой на несколько минут покинул свой пост, что и стоило ему жизни».

Кстати, автором иллюстраций к этой первой публикации Куваева в «Охоте» выступил художник-график Пётр Караченцов (1907–1998) – отец знаменитого актёра Николая Караченцова.

Другая линия редакторской правки, очевидно, была нацелена на комментирование разного рода экзотизмов. Слова, использованные Куваевым в качестве словесного орнамента и приобретающие лексическое значение лишь после чтения соответствующих пояснений в «Большой советской энциклопедии», в результате редакторского вмешательства превратились в связки «киргизский термин – русское примечание». Скажем, если в черновике написано: «...из соседнего сая доносится свист потревоженного сурка...», то в журнальном варианте эта фраза «сдабривается» фрагментами киргизско-русского словаря: «Из соседнего сая (сай – по-киргизски овраг, ущелье, небольшая горная долина) доносится свист потревоженного сурка...» Наверняка подобными же соображениями было продиктовано решение отказаться от авторского заглавия «За те(э)ками» в пользу общепонятного «За козерогами». Причём принципы редакторской правки реализовывались далеко не последовательно. Так, остались без каких-либо комментариев все топонимы («речка Аспара», «долинка Аштора», «острый конус... тёмной Ка-

ра-Кия») и даже фитоним «арча», хотя далеко не каждый потенциальный читатель знает, что это местное название горного можжевельника.

Редколлегия «Охоты и охотничьего хозяйства» не нашла ничего предосудительного и в обилии штампов и клише в «козерожем» очерке. Похоже, что наличие таких выражений, как «красный диск солнца» и «певец бескрайних просторов Киргизии», было для неё своеобразным сигналом литературной лояльности, гарантирующей отсутствие в прозе начинающего писателя нежелательных художественных сюрпризов. Добавим, что расхожие речевые формулы, конечно же, простительны литературному дебютанту, который, чтобы быть допущенным к журнально-книжному производству, должен выполнить определённый норматив клиширования, указывающий на способность говорить принятым языком соцреалистического «мейнстрима». К тому же шаблоны, используемые Куваевым, свидетельствуют не только об усвоении уроков советской периодики, очага метастаз господствующего дискурса, но и о несомненном приобщении к опыту русской классической литературы. Читая фразу: «В лучах заходящего солнца снег на... вершине кажется розовым на освещённом склоне и синее, как колотый сахар, на теневом...», мы невольно вспоминаем хрестоматийные некраповские строчки из «Железной дороги»:

Лёд неокрепший на речке студёной

Словно как тающий сахар лежит...

Как уже было сказано, судьба рассказа «За козерогами», сколь бы сомнительны ни были его художественные достоинства, сложилась благополучно: текст безвестного студента естественнонаучного вуза, не сопровождаемый чьей-либо протекцией, отправляется в редакцию пусть и узкопрофильного, но всё же всесоюзного журнала, где находит сочувственный отклик и спустя какое-то время подписывается в печать. Казалось бы, это свидетельствует о том, что в литературу Куваев удачно прорвался с первым же «штурмом», чем может похвастаться далеко не каждый писатель. Но внимательное изучение ЧЗК-1 заставляет прийти к выводу, что, пробуя себя на новом, не геологическом поприще, Куваев сделал не один «выстрел» в сторону безмятежно пасущихся козорогов, а, как минимум, два. Читаем запись от 12 марта 1957 года: «Мой рассказ первый, который так дешёв, напечатали, а таёжного сторожа, в котором талант видно, нет, чёрт его знает, кто ошибается?» Из неё неопровержимо следует, что почти одновременно с рассказом о козерогах Куваев написал ещё один текст, который ставил намного выше, чем опыт в жанре «Как я сходил на охоту». Текст этот, названный, судя по всему, «Таёжный сторож», был отправлен в какой-то солидный литературный журнал, наподобие «Нового мира», возглавляемого Твардовским (может быть, Куваев вдохновлялся примером Юрия Трифонова, опублико-

вавшего там за семь лет до этого свой «дипломный» роман «Студенты» и даже получившего за него Сталинскую премию). Но вместо ожидаемого триумфа Куваев нарвался на жёсткую отповедь, не оставившую от рассказа камня на камне, как это видно из его признания (оно примыкает к той записи, что процитирована ранее, имея, правда, все признаки позже добавленного «автокомментария»): «Крепко, однако, получил я по мордасам, хрен его знает, откуда берётся такая самоуверенность: чуть написал что-то и возомнил себя чуть ли не гением, а ведь на самом деле вшиварь, и всё же рад по малейшему поводу трубить об успехах». Куваев не поспешил сбросить «Таёжного сторожа» со счетов, надеясь, что его рано или поздно удастся куда-нибудь пристроить. Составляя список творческих планов на ближайшее будущее (планы эти, как он пишет, лежат у него «в голове пачками», что также доказывает неслучайный характер литературных занятий), Куваев перечисляет три «близлежащих» текста, не давая, правда, характеристик их жанровой принадлежности. Первый из них, «Снежный человек», предназначенся для журнала «Техника – молодёжи» (можно предположить, что это должен был быть документальный очерк, основанный на личных впечатлениях автора от того извода мифа о йети, который бытовал в горах Киргизии, но, учитывая издательскую политику журнала, не менее обоснованным будет и отнести текст к рубрике «Клуб любителей фантастики»). Два других, «Таёжный сторож» и «Цыбиков», нацелены на пуб-

ликацию в журнале «Вокруг света». Нетрудно догадаться, что «Таёжный сторож» – это тот самый уже кем-то отвергнутый рассказ, а «Цыбиков» – биография Гомбожаба Цыбикова (1873–1930), знаменитого путешественника и буддолога, прославившегося посещением под видом паломника в 1899–1902 годах Тибета (иностранцам посещение этой страны в тот период было запрещено и каралось смертью). Ни один из этих текстов не появился ни на страницах названных журналов, ни где-либо ещё. Но если о «Таёжном стороже» мы точно знаем, что он существовал (никаких следов этого рассказа в архиве Куваева обнаружить, увы, не удалось), то «Снежный человек» и «Цыбиков» так и остались лежать в «пачках» невоплощенных проектов. Было бы, однако, ошибкой считать, что в этих самых «пачках» они почили вечным безмятежным сном.

На самом деле оба они дали потомство, легко опознаваемое в различных «артефактах» дальнейших этапов куваевского творчества. Так, тематика очерка «Цыбиков», понимаемая в самом широком смысле (удивительные приключения отважного одиночки, прошедшего там, где до него не сумел побывать никто), была реализована в документальном этюде «Странная судьба Никиты Шалаурова», посвящённом отважному промышленнику-мореходу XVIII века. «Технико-молодёжный» этюд о снежном человеке, вероятно, пробудил интерес Куваева к криптозоологии. Интерес этот воплотился впоследствии в очерке «Самый большой медведь»,

напечатанном, подчеркнём, в журнале «Вокруг света», который превратился в итоге в пункт постоянного базирования Куваева-писателя и Куваева-журналиста.

Проблема поиска криптоидов, созданий, чьё существование считается маловероятным или недоказанным, всегда была для Куваева чем-то бóльшим, чем просто увлечение или праздное любопытство. Разумеется, мысль написать очерк о снежном человеке возникла у Куваева под влиянием конкретных событий, случившихся незадолго до того, как в ЧЗК-1 появилась та самая «йети»-запись. Это и состоявшееся 31 января 1957 года заседание президиума Академии наук СССР, инициированное прародителем отечественной гоминологии Борисом Поршневым и имевшее в повестке один-единственный пункт «О снежном человеке» (прямым результатом этого заседания стала знаменитая Памирская экспедиция 1958 года, целью которой был отлов реликтовых обезьянолюдей, имеющих наглость жить вне советской паспортной системы), и выход в том же 1957 году на русском языке книги Гюнтера Оскара Диренфурта «К третьему полюсу», насыщенной быличками о многочисленных встречах со снежным человеком в Гималаях. Но повторим: интерес к проблемам криптозоологии, с какими бы таинственными существами они ни были связаны, поддерживался у Куваева не веяниями преходящей моды, которой всё равно, чем «кормить» обывателя – лох-несским чудищем или латиноамериканской чупакаброй, а индивидуально выработанной

философией, регулирующей большую часть его действий и поступков. Суть этой философии, нигде Куваевым чётко не изложенной, а лишь угадываемой за фактами его творческой и событийной биографии, заключается в нескольких взаимосвязанных посылах.

Одна из них сводится к тому, что любое путешествие – это не просто перемещение из пункта А в пункт В, имеющее итогом нечто исчислимое (количество пройденных километров, высоту покорённой вершины) или дарующее возможность занять определённую иерархическую позицию (и гордиться тем, что ты первым добрался до ранее недоступной территории). Движение к определённой точке в пространстве, особенно если она по-настоящему труднодостижима, приводит к усложнению взаимоотношений с категорией времени. С одной стороны, ценность путешествия, сопряжённого, как правило, с поиском чего-нибудь сверхзначимого, хоть розовой чайки, хоть чукотского золота, прямо пропорциональна величине затраченного времени: мечта, реализация которой растянулась на десятилетия, в аксиологическом аспекте заведомо превосходит всё то, что требует необременительной экскурсии длительностью в несколько дней. С другой стороны, прибытие в экзотический пункт назначения таит возможность самых разных открытий, в том числе и таких, которые предполагают извлечение на свет божий реликтовых диковин, продолжающих существовать вопреки негативному влиянию всемирного «часового механизма». К чис-

ду подобных законсервированных продуктов эволюции, демонстрирующих завидную способность долго сопротивляться неотвратимому, казалось бы, попаданию в «жерло вечности», относятся, понятное дело, и любые объекты криптозоологии. Становясь живыми резидентами прошлого в настоящем и будущем, они прекращают быть чисто развлекательными кунсткамерными курьёзами. А их поиск, в свою очередь, начинает отождествляться с добыванием недостающих звеньев великой цепи бытия.

Стремление разыскать эти звенья в равной мере объясняется и тяготением Куваева к таинственному, чудесному, далёкому от обыденности, и его желанием сослужить службу серьёзной академической науке. Благодаря сочетанию этих интенций в ЧЗК-1 появились выдержки из популярного журнала «Юный техник», в которых перечисляются необычные представители земной фауны: леопард-гиена, мадагаскарская вормопатра, черепаха с Галапагосских островов, дракон острова Комодо, гигантская лесная свинья из Кении, либерийский карликовый бегемот, абиссинская бурая гелада и китайский пресноводный дельфин. Раскрыв соответствующий номер журнала, мы увидим, что этот перечень заимствован из публикации с бунтарским названием «Вопреки Кювье – перепись продолжается», знакомящей читателя с книгой бельгийского зоолога Бернара Эйвельманса «По следам неизвестных животных». Так как формат «Юного техника» не позволял полноценно реферировать книгу, заметка

исчерпывается воспроизведением её основного тезиса («Загадки нашей планеты ещё далеко не разгаданы. Небо и земля таят значительно больше чудес, чем это представляется поверхностному взгляду») и реестром животных, обнаруженных после известного высказывания Жоржа Кювье о том, что «надежда обнаружить новые виды больших четвероногих весьма невелика». Некоторых из этих опровергающих Кювье «обнаруженцев» Куваев и занёс в свою записную книжку. Не столько в качестве исторической справки, позволяющей узнать, что, допустим, комодский дракон стал известен науке лишь в 1912 году, но как постоянное утешительное напоминание о вечно возможном открытии нового, причём самого необычного, идущего вразрез с общепринятыми понятиями и представлениями. И гигантский медведь, будто бы обитающий в потаённых местах Чукотки, и воспетый писателем-палеонтологом Иваном Ефремовым олгой-хорхой, и прочие монстры и чудища – все они терпеливо дожидаются своего часа, гарантирующего перемещение из печального небытия в сферу зарегистрированного существования. Приближение этого торжественного момента было для Куваева не формой утоления охотничьего азарта, а чем-то вроде священного служения научной истине, отменяющего одновременно предсказуемость и запланированность повседневной жизни.

Приверженность Куваева классическому эволюционизму, парадоксально проявляющаяся через криптозоологические

изыскания, нацеленные, если разобраться, на то, чтобы поставить на учёт все без исключения «ветви» филогенетических деревьев (снежный человек, например, должен найти свое место в семействе гоминид), опосредованно связана и с мистифицированием обстоятельств литературного дебюта писателя. Желание представить его в виде случайно возникшей мутации, непредсказуемого искривления праведного геологоразведочного пути было, вероятно, вызвано бессознательным тяготением к такой схеме собственного художественного развития, которая воплощала бы плавный переход от непритязательных документальных повествований к текстам, всё более и более насыщаемым «литературностью». Неудача «Таёжного сторожа», изначально прозаического, а не публицистически-очеркового, не могла лечь в основание мифа о рождении писателя. Этому мешали как подспудная склонность Куваева к эволюционным объяснительным моделям, эксплуатирующим веру в постепенное приращение требуемых качеств (в её рамках документальное неспешно трансформировалось в художественное), так и чрезвычайно удобная возможность оправдывать любой литературный промах издержками переходного периода, отпущенного для приспособления к требованиям «высокого» искусства. Иными словами, креационистская версия писательского генезиса, апеллирующая к моментальному сотворению «Таёжного сторожа» из недр собственного таланта, оказалась принесена в жертву эволюционистской истории о мед-

ленном вызревании прозаического мастерства из пристальных наблюдений за повадками центральноазиатских горных козлов. И пусть эта история не очень соответствовала фактам, зато легко вписывалась в линейно-прогрессистские каноны советского литературоведения. Бесконфликтное взаимодействие с ними обеспечивало автобиографическому мифотворчеству Куваева необходимый оттенок достоверности.

Марсианские закаты в коричневом углу карты

Когда в его жизни впервые возникло слово «Чукотка», неизвестно. Сам Куваев потом напишет, что его кровать в студенческом общежитии на Дорогомиловке стояла так, что взгляд постоянно упирался в правый верхний угол висевшей на стене географической карты СССР. Про этот выкрашенный коричневым угол «даже в лекциях по геологии Союза говорилось не очень внятно»: он был тогда если не белым, то вполне себе серым пятном. Возможно, именно поэтому темой дипломной работы Куваев выбрал Чукотку и в 1957 году отправился туда на преддипломную практику.

Вместе с Куваевым на Чукотку поехали однокурсники – Юрий Мартынов, Владимир Воропаев, Михаил Блажеев, Вячеслав Москвин. Летели берегом Ледовитого океана несколько суток, застревая из-за непогоды то в Тикси, то в Нижних Крестах.

Экспедиция базировалась на востоке Чукотки в посёлке Провидения, в одноимённой бухте. Какие чудесные – серьёзные, поэтичные, проникнутые ещё первопроходческой надеждой и верой – названия у этих северных посёлков и берегов: от бухты Провидения до бухты Преображения, от островов Серых Гусей и мыса Сердце-Камень до Шалауровой Избы, залива Креста и Нижних Крестов... Здесь Куваев позна-

комился с опытным геологом Андреем Петровичем Поповым, с которым они подружатся. Тот так описывал дипломника, не походившего на «чечачо» (этим словом, заимствованным из языка североамериканских индейцев, в «Смоке Беллью» Джека Лондона называют новичков-золотоискателей): «Был немногословен, сдержан. К его словам прислушиваются и редко оспаривают. Чувствуется, серьёзность и сдержанность придают его словам какой-то ненавязчивый товарищеский авторитет... От Куваева (фамилии его я тогда ещё не знал) исходила внутренняя сдержанная сила. Она и отличала его от сверстников, тоже не рядовых ребят. В будущем почти все они получили учёные степени, став кандидатами и докторами». Разве что, добавим, сам Куваев не стал. Его «диссертациями» будут книги.

Попов, Куваев, Москвин оказались в партии Виктора Ольховика. «Партия эта принадлежала весьма солидной „номерной“ организации, а потому и экипирована была очень хорошо...» – вспоминал журналист, прозаик Владимир Курбатов, подружившийся с Куваевым несколько позже в Певеке (не путать с критиком Валентином Курбатовым, который впоследствии также писал о творчестве Куваева).

Погрузив несколько тонн груза на «рейнский речной пароходик» под названием «Белёк» – «остатки репараций, невесть как попавшие на Север», – геологи вышли морем в направлении бухты Преображения, к старинному чукотскому стойбищу Нунлигран. Один из кочегаров заболел, спор-

тивные Куваев и Москвин (несколько лет спустя, по воспоминаниям геолога Эдуарда Морозова, он оставил геологию и перевёлся в «службу телохранителей ВЦСПС») решили помочь – и с непривычки вымотались до полной потери сил.

Разгружались в Нунлигране. «Яранги оленеводов, пришедших из тундры, располагались в стороне, на обрывистом берегу ручья, яранги морских охотников стояли прямо на галечниковом валу. Из яранг в любое время можно было видеть море и вельботы, возвращавшиеся с охоты. Здесь же на берегу у воды круглыми сутками сидели старики в тюленьих штанах, в характерной позе: ноги сидящего были вытянуты под прямым углом к туловищу... Если вельбот приходил в штормовую погоду, квадратные куски моржового мяса кидались в воду и весь посёлок вылавливал их крюками вроде тех, что употребляются на лесных пристанях. По гальке и траве двадцатикилограммовые куски мяса тащились к ямам, где консервировался копальхен – особый продукт, выработанный тысячелетним опытом морских охотников... В вечной мерзлоте, в чистом чукотском воздухе мало микробов, и мясо не гниёт, а как бы закисает... Несмотря на специфический запах и вид, копальхен обладает своеобразным вкусом, и к нему быстро привыкаешь», – вспоминал Куваев. Здесь он впервые наблюдал за тем, как делают чукотскую байдару. «Кораблестроителем» выступал старый мастер Анкаун, которого Куваев потом вспомнит в очерке «В стране неторопливых людей»: «Чукотскую, или эскимосскую, байдару мож-

но, я думаю, поставить в истории человечества в один ряд с колесом. И в тех владивостокских вельботах, что лежат около воды возле чукотских посёлков, как во всяком морском судне – пусть оно построено по чертежам, рассчитанным с применением всей современной математики, – есть та одухотворённость, которая была вложена когда-то в своё дело великими мастерами прошлого, а среди них и предками Анкауна». Куваев записывает чукотские слова, пробует описать тундру... – всё это потом будет им использовано. Размышляет о границах и возможностях рационального мышления, что впоследствии будет так занимать Чинкова, главного героя романа «Территория». Пишет иронические стихи:

*...Заползают мысли
В мозговую клетку.
Что с Чукоткой будет
В эту пятилетку?*

Или:

*Прощай, угрюмая Чукотка,
Страна камней,
Страна дождей,
Страна повышенных окладов
И проспиртованных людей.*

«Ещё в бухте Преображения я понял, что погиб, – скажет

он позже. – Ничего похожего мне видеть не приходилось, как не приходилось раньше ходить на вельботах за моржами с чукчами, охотиться с резиновых лодок в море».

Из Преображения партия на двух тракторах, вышедших из Провидения двумя месяцами раньше, отправилась на запад – к реке Эргувеем и дальше к заливу Креста, чтобы вести геологическую съёмку этой слабоизученной местности. В задание были включены и поиски: можно было ожидать проявлений золота и киновари – ртутной руды.

Тракторные гусеницы месили тундру, срывая травяной покров. Сваренные из труб полозья врезались в почву, на многие годы оставляя блестящие коричневые следы. Приятной прогулкой эту поездку на тракторных санях назвать было трудно. «Перегруженные сани поминутно застревали. Они нагребали вал грунта перед собой, трактор глох, и надо было в мешанине содранных кочек нащупать водило саней, вынуть шкворень, чтобы трактор отошёл, прицепить сани с другого конца, оттащить их обратно, снова отцепить трактор и прицепить его к переднему концу саней. Приходилось нащупывать броды в десятках речек, бегущих к Берингову морю, а на остановках снимать тонну груза с верхних саней и вытаскивать снизу двухсоткилограммовые бочки с соляrkой. Брошенные пустые бочки из-под солярки и груды вспаханной земли отмечали наш путь», – вспоминал Куваев, которого вместе с Москвиным с учётом их кочегарских подвигов и физподготовки определили в «прицепно-отцепную ко-

манду». Сани останавливались каждые двадцать минут, парни ходили вымазанные в торфяной жиже и даже во сне выплёвывали изо рта глину, камешки и корешки. В первый же день пришлось заниматься ремонтом трактора – с редуктора сорвало пробку, масло вытекло.

Сезон начали с опозданием на полтора месяца. На четырёхмесячную программу осталось два с половиной месяца. Геологам пришлось ходить в пешие маршруты по 30–40 километров. Куваев пишет: «Начались нечеловеческие „десанты“, когда всё – от спальных мешков и палаток до примуса и керосина – люди несли на себе. Мы разбивали стоянки в молчаливых горных долинах, встречали пастухов, и всюду была тундра, очарование которой, кажется, ещё никому не удалось передать. Я вырос в вятских лесах, но меня тянуло именно в безлесные пространства вроде тянь-шаньских предгорий или чукотской тундры».

В июле повалил снег. Годом раньше во время июльского снегопада в одной из партий той же экспедиции погибли четверо. Не обошлось без несчастья и теперь: рязанского парня Виктора Касьянова разбил паралич, отнялись ноги. Оказалось, он с детства страдал ревматизмом, но скрывал это, боясь, что не возьмут в геологи. Промывание шлихов (то есть приготовление «экстрактов» из рудоносного грунта) в ледяной воде дало закономерный результат. Больного отправили на санях в Уэлькаль на западном берегу залива Креста.

Потом кончилась солярка. Вызвали самолёт Ан-2, он

сбросил три бочки. Две из них, пропахав верхний талый слой, врезались в мерзлоту и разбились, солярка вытекла.

В довершение всего трактор провалился в солифлюкционный талик – пливун жидкого грунта. Подъехавший на вырубку второй трактор тоже ушёл по крышу в ледяную грязь.

Чтобы не сорвать программу работ, Ольховик разбил партию на две группы: одна откапывает трактора, другая продолжает маршруты. «Тундра вокруг тракторов превратилась уже в какое-то громадное болото, и посреди этого болота, как островки, торчали кабины тракторов... Наконец один трактор был освобождён до гусениц. Но случилась новая беда – он не желал заводиться. Двигатель был забит спёкшейся в камень грязью. Оба тракториста сутки бились около него, но вдруг пошёл дождь, яма заплыла жидкой грязью, и вся работа пошла насмарку», – писал Куваев. Съёмщики Кольчевников, Ольховик, Попов «закатывали» невероятные по длительности маршруты. Попов вспоминал: «Самостоятельные маршруты и полевое картирование по методическим указаниям разрешается инженерному составу. Студент-практикант числится коллектором, т. е. техником, не имеющим права самостоятельно проводить съёмку. При создавшихся условиях было сделано исключение: к ведению самостоятельных полевых работ как наиболее подготовленный был допущен Куваев... Все маршруты Олега были приняты как кондиционные и контрольных проверок не требовали».

Сезон запомнился не только тонущими тракторами. Шла оттепель, в палатке бушевали споры. Куваев потом будет вспоминать: сам он был в лагере «сталинистов», а Попов возглавлял группу «Долой тиранов». Попов рассказывал: «В спорах, как и в других жизненных ситуациях, Олег был сдержан, по-настоящему интеллигентен. Ему нужна была не победа „во что бы то ни стало“, не торжество полемиста, а выяснение объективной картины спора, приемлемой если не всеми, то большинством шатровой палатки».

В августе, когда прекратились дожди, тракторы наконец удалось вызволить и даже оживить. Но в партии оставалось мало продуктов, а дальнейшие работы требовали высокой квалификации. В сентябре Ольховик решил отправить груз и откомандировать студентов, оставив в поле только кадровый состав. Куваева и Москвина нужно было доставить на мыс Нутепельмен у входа в залив Креста. Там бы их встретили колхозные вельботы, на которых парни должны были, перейдя сорокакилометровый залив, добраться до Уэлькаля. Однако, не доехав до Нутепельмена, измученный трактор встал: разорвало блок двигателя. Машина навсегда осталась ржаветь в тундре как памятник геологии XX века, а студенты, взвалив на спины рюкзаки, пошли пешком.

К мысу Нутепельмен вышли ночью. Пережидали шторм в землянке промысловика, у которого была дочь Анютка. «За эти четыре дня мы почти целиком съели молодого моржа, убитого охотниками по дороге; и никто из нас об этом „по-

терянном“ времени не жалел, ибо все наши дни были посвящены серьёзнейшим беседам с Анюткой и осмотрам её... хозяйства, в котором детские игры сочетались с настоящими заботами женщины-чукчанки... Мы оставили ей ворох „богатств“, ибо Анютке ещё предстояло коротать долгую зиму, без общества других детей, наедине с отцом, а в школу лишь через год, хотя она уже заботливо, до дыр изучила свой первый букварь», – вспоминал Куваев; эта девочка ещё появится и в его очерке «В стране неторопливых людей», и в рассказе «Анютка, Хыш, свирепый Макавеев».

«Над заливом каждый вечер повисали ужасные марсианские закаты на полнеба. Всё это меня окончательно доконало...» – так заканчивался первый полевой сезон Куваева на Чукотке, на всю жизнь определивший его географические и творческие ориентиры.

Чукотка тогда входила в состав Магаданской области. По пути в Москву Куваев – студент шестого курса, уже готовившийся к защите диплома, – договорился в Магадане о том, чтобы на него в институт отправили заявку.

Почему он учился не пять лет, а почти шесть, рассказывает магаданский геофизик, доктор геолого-минералогических наук Борис Седов (р. 1933): «Олега готовили к решению одной из главных задач того времени для СССР – поиску урана. Когда наши изобрели атомную бомбу, стало ясно: для создания „ядерного щита“, способного защитить свободный мир социалистического лагеря от империалистиче-

ского Запада, требуется уран. Месторождения урана у нас уже эксплуатировались, но теперь его понадобилось гораздо больше². Что-то похожее происходило и за океаном, причём в США поступили, как во времена золотой лихорадки на Юконе: разрешили искать уран всем желающим за вознаграждение. А у нас всё делали секретно: закрытые институты, невыездные сотрудники... Началась подготовка инженеров-спецгеофизиков с увеличенным сроком обучения. Всех, кто кончал профильные вузы – Ленинградский горный, Московский геологоразведочный, – заставили учиться дополнительно. Я учился пять лет, Олег – пять с половиной. У них были закрытые лекции и лабораторные занятия, секретные библиотеки. Иностранцев на эту специальность не брали, за секретность доплачивали к стипендии. Одновременно в техникумах готовили радиометристов для массовых поисков».

15 февраля 1958 года решением государственной экзаменационной комиссии О. М. Куваеву, успешно окончившему полный курс по специальности «Геофизические методы разведки месторождений полезных ископаемых», присвоили квалификацию горного инженера-геофизика и выдали диплом с отличием за номером Л088132 (по «урановым» же причинам, говорит Седов, на дипломной работе Куваева

² К концу 1940-х Дальстрой добывал уран на трёх рудниках – Бутугычаге, Сугуне и Северном; уже к середине 1950-х добыча урана на Дальнем Севере прекратилась, потому что обходилась слишком дорого, а на Украине и в Средней Азии были разведаны более доступные и богатые запасы. (*Здесь и далее – примечания авторов.*)

должен стоять гриф «секретно»).

На Олега пришла заявка из Магадана, но ему ещё пришлось пообивать пороги: его группу готовили к работам иного профиля. Однако Куваев своего добился и был распределён на Северо-Восток.

Бухта Провидения оправдала своё магическое имя.

Глава вторая

Чаунская правда

Весной 1958 года молодой инженер-геофизик Куваев приехал работать на Чукотку, в Чаунское районное геолого-разведочное управление. Оно базировалось в посёлке Певек, расположенном на побережье Чаунской губы Восточно-Сибирского моря – иначе говоря, на берегу Северного Ледовитого океана.

Отвечая в 1970 году на вопросы своего друга, писателя Альберта Мифтахутдинова (очерк «О себе», записки «Два цвета земли между двух океанов» да вот эта «анкета Мифты» – куваевские исповедь, автобиография, манифест и формулировка жизненного кредо одновременно), Куваев сказал: «Я всегда верил в то, что для каждого индивидуального человека есть его работа и есть его географическая точка для жизни. Человек, который из каких-то престижных или корыстных интересов занят нелюбимой работой, обкрадывает себя ровно на половину жизни. Точно так же и с тем местом, где человек живёт. Здесь никогда не поздно начать сначала... Я знаю многих людей с великолепными и любимыми специальностями, которые работают клерками в каких-то конторах, лишь бы не уезжать из Москвы. Это было бы можно понять, если бы они любили именно этот город. Они его

не любят, но престижно жить в центре... В поисках смысла своей работы и своей точки жизни человек не должен бояться затрат ни моральных, ни материальных. Жизнь не на своём месте и не в своей роли – одна из худших бед, на которые мы обрекаем сами себя».

Точкой Куваева, его литературной территорией и главной «делянкой» была Чукотка, куда он и потом, уже из Подмосковья, постоянно старался вырваться. В той же анкете писал: «Отношение к Чукотке очень простое. Там я сформировался как личность и посему считаю её Родиной не меньшей, чем то место, где родился». Незадолго до смерти писал сестре: «Чукотка моя вторая родина, и она даёт мне всегда уверенность в жизни». Осваивая городской (незавершённый рассказ «...И в человецех благоволение»), среднерусский, южный или кавказский материал, он всё время возвращался к Чукотке, к этому, если вспомнить одноимённый рассказ Юрия Казакова, «проклятому северу». Куваев считал этот рассказ (и ещё книгу «Обыкновенная Арктика» Бориса Горбатова) той «шинелью» или, скорее, кухлянкой, откуда вышла вся современная ему северная проза.

Посёлок

Чукотка – единственный субъект РФ, для посещения которого вплоть до июня 2018 года даже российским гражданам было необходимо оформлять пропуск у погранслужбы ФСБ, потому что регион граничит с США, пусть и аляскинского извода. Теперь пограничный режим сохранён лишь для иностранцев, российские же граждане могут посещать Чукотский автономный округ беспрепятственно, за исключением островов Врангеля, Геральд и Ратманова.

Ещё одна уникальная особенность Чукотки – 180-й меридиан, «восточный Гринвич» (отсюда – название куваевского рассказа «Где-то возле Гринвича»). Непросто представить, но восточная часть Чукотки лежит уже в западном полушарии Земли.

Территорию вокруг Чаунской губы называют Чаун-Чукоткой или Чаунским районом. Здесь и расположен заполярный Певек, фигурирующий в «Территории» как «Посёлок», а ныне носящий звание самого северного города России (центр Чукотского автономного округа Анадырь, в свою очередь, – самый восточный).

Название посёлку дала гора, у подножия которой он расположен. Чукотское «пээкиней» или «пагыткенай» переводится как «гнилое место» или «пахучая гора»; говорят, в древности здесь произошло сражение между чукчами и юка-

гирами с невероятным числом погибших. Впрочем, есть и иные версии происхождения топонима.

Официальная дата основания Певека – 1933 год. Автор знаменитого в своё время романа «Алитет уходит в горы» Тихон Сёмушкин вспоминал, как в 1926 году прибыл сюда в качестве главы статистико-экономической экспедиции: «Мы с каюром с трудом нашли землянку охотника-колымчанина Шкулёва, промышлявшего пушного зверя. Здесь же стояла чукотская яранга, в которой безвыходно жила одна старая женщина-чукчанка. Вот и всё население тогдашнего Певека». Вскоре здесь основали Чаунскую культу базу для снабжения и советизации побережья. На берегу Чаунской губы выросли десять круглых домиков. Их спроектировал военный инженер Владимир Свинын (1877–1940), взяв за образец традиционные жилища северных народов. В этих фанерных сборных ярангах – «домиках Свинына» (увы, впоследствии репрессированного и умершего в результате добровольной голодовки) – расположились радиостанция, школа, библиотека... «В те годы легко намечали новые города», – пишет Куваев в «Территории».

А в повести «Весенняя охота на гусей» (написана в 1961-м, переработана в 1965-м, впервые вышла в «Сельской молодёжи» в 1967 году под названием «Куда улетали гуси») он цитирует «печально знаменитые» стихи «ошалевшего от одиночества и полярной тоски» работника фактории посёлка Усть-Китам, наделённого чертами «досвинынского» Пе-

века. Жертва чаунской хандры вырезала на стене такую жалобу экзистенциального характера:

Скука, скука паршивая...

Скоро ночь придёт.

Скука, скука...

Эти строчки впервые прозвучали в рассказе Бориса Горбатова «Торговец Лобас» (1938), вошедшем затем в знаменитый цикл «Обыкновенная Арктика». Томимый бездельем на далёкой северной фактории Костя Лобас почти ежедневно пьёт спирт и, едва охмелев, изливает свою печаль в поэтической форме, почти полностью совпадающей с той, что присутствует в «Весенней охоте на гусей»:

Скука, скука, скука...

Скоро и ночь придёт, паршивая скука.

Не исключено, впрочем, что, воспроизводя эти lamentации, Куваев имел двойную «ориентировку», учитывая не только хорошо ему известный рассказ Горбатова, но и материалы «дебютного» пленума Чаунского райисполкома, состоявшегося в 1933 году (до этого советской власти в районе не было). На нём первый секретарь райкома партии Наум Пугачёв (в «Территории» – Марк Пугин, бородатый гном в шинели, «святой XX века») докладывал о поведении Кругляка – инструктора райисполкома и парторга, который в пья-

ном виде сочинил экспромт, посвящённый неизбывной тоске «зимующего» сознания:

*Скука, скука, скука!
Скоро ночь придёт,
Паршивая скука...
Нас уложит спать...
Твою в душу, сердце мать!*

Большой объём этого текста, возникшего к тому же раньше и «Весенней охоты на гусей», и «Торговца Лобаса», даёт основания предположить, что он и является тем «протографом», к которому восходят соответствующие изводы в произведениях Куваева и Горбатова (последний, будучи в 1930-х годах собкором «Правды» в Арктике, наверняка знал о случае с Кругляком). Допустимо, правда, и другое объяснение интертекстуальных переключек. Вполне возможно, что стихи о «скуке-суде» входят в общий фонд полярно-арктического фольклора, включающего в себя, разумеется, не только анекдоты и полуфантастические истории, но и подобные образцы доморощенного стихотворчества. Как бы то ни было, у всех трёх вариантов лирической медитации на тему вынужденной безысходной скуки есть только один источник – популярнейшее стихотворение Сергея Есенина «Сыпь, гармоника! Скука... Скука...», написанное в 1923 году и отмеченное запоминающейся рифмовкой хорошо знакомых нам слов:

*Сыть, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льёт волной.
Пей со мною, паршивая сука,
Пей со мной.*

Расцвет Певека связан с геологией (прежде всего оловом) и развитием Северного морского пути.

Конечно, геологи на Северо-Востоке работали задолго до XX века. Ещё в 1669 году торговый человек Жданко Григорьев сообщал, что «есть-де по той же Ковыме реке и по речкам в горах камень лазуревое и красное, и он-де Жданко того камня набрал мешочек и отвёз в Москву». В 1853 году чиновник особых поручений по горной части военного губернатора Камчатки Карл фон Дитмар провёл первые геологические исследования Приохотья, тремя годами позже Колымский бассейн изучал геолог и географ Пётр Чихачёв. Изучение «северов» ускорило после создания в 1882 году Геологического комитета, задачами которого стали планомерная съёмка и составление геологической карты страны. В конце XIX века состоялись Колымская экспедиция Черского и Охотско-Камчатская экспедиция Богдановича. В те же годы на Чукотке появились первые старатели с Аляски. Но всё-таки вплоть до конца 1920-х, указывает заслуженный геолог России, автор монографии «Геологическая служба Северо-Востока России. 1931–2014» Юрий Прусс, Северо-Восток был наименее изученной областью на

всём земном шаре: «На геологической карте, составленной в 1922 г., это выглядело как огромное белое пятно, обрамлённое и расчленённое редкими маршрутами, выполненными во второй половине XIX – начале XX в. А. Л. Чекановским, И. Д. Черским, А. А. Бунге, Э. В. Толлем, И. П. Толмачёвым, К. И. Богдановичем, П. З. Казанским, П. И. Полевым». Лишь с начала 1930-х геологическое изучение Северо-Востока приобрело системный характер, а наука стала сочетаться с производством. Первая геологическая карта СССР без белых пятен масштаба 1:2500000 была создана под руководством академика Наливкина только в 1956 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.